

УДК 821.512.145

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ В 20–30-е ГОДЫ XX ВЕКА

Р.Р. Сабиров

Аннотация

В статье рассматриваются основные тенденции формирования и развития литературной критики 20–30-х годов XX в. Литературная критика этого периода, отказываясь от эстетических, общечеловеческих норм оценки художественного произведения, подчиняется социологической концепции, и именно классовость и тенденциозность становятся главным критерием оценки творчества писателей.

Ключевые слова: партийность, литературная критика, социологизм, социалистический реализм, идеология.

Бурное развитие литературной критики приходится на «золотой век» татарской литературы. Татарская литературная критика начинает формироваться именно в начале XX в. и за короткий отрезок времени достигает наивысшего расцвета [1, б. 32]. После Октябрьской революции 1917 г. начинается новый, противоречивый этап развития критической мысли. Период с 1917 г. до середины 1950-х годов – время постепенного усиления и закрепления тоталитарных общественных установок, огосударствления всех сфер жизни, в том числе литературы и критики. Произошла коренная перестройка методики и методологии анализа литературного процесса.

Обращение к истокам татарской советской критики и эстетической теории продиктовано тем, что это время – самый противоречивый и сложный период формирования и развития национальной литературы, в том числе и критики. В первой половине 1920-х годов в литературно-критической жизни наблюдаются сосуществование, взаимодействие и борьба многих тенденций, часто разнонаправленных. А уже в 1930-е годы «начинается коррозия эстетических отношений искусства и действительности, прочное срастание политики и искусства, превращение искусства в политику, введение творчества в жесткое догматическое русло» [2, с. 3].

Принципы партийности и классовости литературы, новый творческий метод, литературный герой, стиль, жанр и другие понятия в татарской литературной критике формировались в тесной и сложной взаимосвязи с тенденциями, характерными для общественно-исторического процесса 1920–1930-х годов. Во многом они были связаны с марксистско-ленинской идеологией, их абсолютизация происходила под диктатом сталинской партии и командно-административной системы. «Именно через призму классовости литературная критика рассматривала

дореволюционное наследие писателей, определяла пути формирования и развития новой литературы, решала те или иные проблемы эстетики» [2, с. 7]. Уже со второй половины 1920-х годов начинается форсированное формирование монистической концепции татарской советской литературы и соответствующей ей критики, вытеснение независимо мыслящих авторов, в том числе марксистской ориентации. Литературная критика, отказываясь от эстетических норм оценки художественного произведения, подчиняется социологической концепции, классовость литературы становится главным критерием оценки творчества писателей. Такое истолкование сущности литературы приводило к искаженному пониманию литературного процесса в целом. Получалось, что победившая идеология давила на творца, не оставляя места для развития его индивидуального, личностного воззрения на мир. Один из идеологов социалистической литературы, крупный исследователь литературного процесса, теоретик и критик 1920–1930-х годов Г. Ибрагимов в своем труде «О пролетарской литературе» (1924) утверждал, что «правлящие классы навязывают свою идеологию, их идеология занимает господствующее положение» [3, б. 428]¹.

В 1920-е годы в центре научно-критической мысли литературоведов и критиков (Г. Ибрагимова, Г. Нигмати, Г. Сагди, Г. Гали и др.) оказались проблемы борьбы с идеалистической философией и формализмом, защиты и пропаганды принципов партийности, отношения новой советской литературы с действительностью, художественного метода и положительного героя, переосмысления классического литературного наследия. Эти же вопросы волновали и литераторов того периода, таких, как Ф. Бурнаш, К. Тинчурин, Х. Такташ, К. Наджми, М. Джалиль, Х. Туфан, А. Шамов, А. Файзи и др. Вместе с этим предпринимались определенные попытки сохранить традиции критики классического периода. Желание сохранить традиции реалистической критики наблюдается в трудах Д. Валиди, Ф. Амирхана, Г. Рахима, Г. Губайдуллина, Г. Исхаки. На развитие литературной критики 1920-х годов существенно повлиял и такой факт, как образование различных литературных объединений и групп. Упрощенная, жесткая, схематическая логика теоретиков РАППа «выбросила» за борт истории таких классиков татарской литературы, как Ф. Амирхан, Дардменд, С. Рамиев, дореволюционное творческое наследие Ф. Бурнаша, Н. Исанбета, Н. Думави, С. Сунчалая. «Вся классическая литература объявлялась вредной для рабочего класса» [4, с. 37].

Советская власть как бы намеренно искала поводы для столкновения многочисленных участников критических баталий. Все это приводило к активизации критики вульгарного социологизма, яркими представителями которой стали Г. Тулумбайский, С. Муртазин, Х. Наум, С. Каратай, Ф. Мусагит и др. Их не интересовали творческие достижения писателей, созданные ими произведения. «...Из-за однобокой, даже примитивной трактовки положения о том, что идеология и литературные движения вырастают из материальной почвы, из базиса, был сделан ошибочный вывод, что литература и писатель каждой эпохи служат слоям, владеющим этой материальной основой, их идеологии», – писал позже Г. Халит [5, б. 101]. В отношении татарской словесности из этого следовало,

¹ Здесь и далее цитаты приводятся в нашем переводе с татарского языка. – Р.С.

что Г. Тукай, Г. Камал, Ф. Амирхан и другие классики, создавшие «золотой период» татарской культуры, должны рассматриваться как представители буржуазной литературы.

Тяжелое время рапповщины и вульгарного социологизма испытали на себе многие писатели старшего поколения. Проблемы «личность и общество», «личность и коллектив», «я и мы» и другие рассматривались через призму классовости литературы. Те поэты, которые воспевали личные интересы, духовный мир человека и поклонялись таким идеалам, как свобода личности, ее счастье, обвинялись в мелкобуржуазном «отчуждении» от общества, в индивидуализме. Однако и литераторы нового поколения, новаторы были подвергнуты необоснованной критике. Ярким тому подтверждением является писательская судьба Хади Такташа. Критическая мысль 1920-х и начала 1930-х годов оказалась не в состоянии оценить социально-эстетическую значимость и новаторство Х. Такташа. Поэзия Такташа на протяжении всей его жизни (да и после его трагической кончины) находилась в центре споров, дискуссий о путях развития татарской поэзии. К сожалению, в оценке его творчества было много наносного, ошибочного, субъективного. Одни обвиняли поэта в отставании от требований времени, огульно отрицая новизну его поэзии, другие – в повторении богемных пессимистических мотивов творчества С. Есенина. А те, кто шел против такого вульгарного подхода, подвергались нещадной критике.

Наглядным примером является Г. Рахим. В статье «Поэт проклятий», рассуждая о творчестве Такташа на уровне мировой эстетической мысли, он выдвигает на первый план художественные достоинства его произведений, его талант [6, б. 80]. Позднее такие, как он, литературной критикой своего времени обвинялись в идеализме и «антимарксизме». Г. Сагди, Г. Нигмати, Г. Гали и др., в целом положительно оценивая творчество Такташа, вносят коррективы идеологического порядка. Например, часто выступавший с оценкой творчества коллег по цеху М. Джалиль основным недостатком его поэзии считает редкое обращение к производственной тематике, непризнание литературы факта и увлечение психологическим анализом. В своей статье «О двух поэтах», сравнивая творчество М. Крымова и Х. Такташа, Джалиль причисляет последнего к категории мелкобуржуазных поэтов, не сумевших подняться до уровня сознательного овладения новой тематикой. «Нам всем известны стихи Такташа, находящиеся между селом и городом, бранящие то одного, то другого. ...И село, и город воплощаются в творчестве Такташа через мировоззрение узкого обывателя, не сумевшего осмыслить действительность» [7, б. 9]. Но, как бы ни пытались извратить роль Такташа в литературной критике того времени, как бы ни поднимали в противовес ему второстепенных поэтов, таких, как М. Крымов, он все равно остается поэтом, создавшим свою школу, центральной фигурой татарской поэзии XX в. Что похвально, позднее и М. Джалиль поднимается до уровня критической оценки своих заблуждений. В 1940 г. он пишет: «Поэзия Х. Такташа бессмертна... Самая высшая точка татарской советской поэзии нашего периода» [8, б. 323–324].

Теоретики и критики этого периода сосредоточились прежде всего на содержательной стороне искусства, не обращая внимания на художественность произведений, так как в идеологизированном искусстве все реже рассматрива-

лась специфика литературы. Господствовало мнение о том, «что произведения идеологически не выдержанные, шаткие, непоследовательные приносят больше вреда, чем художественно слабые» [9, б. 321]. Такой подход породил схематичность в литературе и нормативность в литературной критике. Уже в конце 1920-х – начале 1930-х годов критики напоминают о необходимости развития литературы по пути реализма, изображения действительности и нового человека на основе принципов правдивости. В 1929 г. Г. Сагди издал литературоведческую работу «Татарская литература эпохи диктатуры пролетариата» [10]. Намеченные в этом капитальном исследовании определения, оценки и отношения очень скоро были канонизированы и вплоть до конца 1980-х годов подвергались лишь детализации, незначительным уточнениям. Основным тезисом данной работы является выдвигание на первый план принципов официальным объявленного метода социалистического реализма. «Реализм является отправной точкой, главной особенностью пролетарской литературы. <...> И ее стиль – в основном стиль реализма... Ее метод в основе своей – метод реализма» [10, б. 13]. Но, как подчеркивает крупный литературный критик современности Т. Галиуллин, «одностороннее понимание природы нового творческого метода зачастую приводило к ошибочной мысли – нигилистическому отрицанию традиций культуры прошлого, к восприятию литературы как явления без рода и племени, выросшего на пустом месте» [4, с. 22].

Со второй половины 1930-х годов происходит смена поколений критиков. Х. Наум, Ф. Мусагит, Х. Вали, С. Муртазин, С. Каратай и др., не сумев «вылечиться» от болезни вульгарного социологизма и формализма, по тем или иным причинам порывают с живым литературным процессом. Сталинские массовые репрессии наложили на литературную критику 1930-х годов свой отпечаток, в результате чего погибли и пострадали те, кто верой и правдой служили социалистической системе: Г. Ибрагимов, Г. Нигмати, Г. Гали, Ф. Бурнаш, К. Тинчурин, Г. Тулумбайский и др. Новое поколение критиков не имело большого опыта в полемике. Безусловно, свою роль в этом сыграло и то, что конец 1930-х годов – период укрепления тоталитарной системы, максимального ослабления критики во время массовых репрессий против интеллигенции, хотя впоследствии такие личности, начавшие свой творческий путь в довоенные годы, как Л. Заляй, М. Гайнуллин, Г. Халит, Х. Хайри, Я. Агишев, Г. Кашшаф, М. Мамин и др., становятся вполне профессиональными критиками и крупными специалистами в области изучения истории татарской литературы в целом.

Следует признать, что в лучших исследованиях литературного процесса той эпохи, в трудах Г. Ибрагимова, Г. Нигмати, Г. Гали, Г. Сагди и др., пытавшихся сочетать общественное и человеческое, раскрывается единство помыслов и дум об идеальной литературе. «Подготовка и публикация литературоведческих, критических работ, статей, эпистолярного наследия виднейших татарских ученых, художников слова, сыгравших заметную роль в развитии эстетической мысли тех лет, обогатили наше представление о литературно-художественном процессе 20-х и 30-х годов» [4, с. 11].

Summary

R.R. Sabirov. Formation and Development of Tatar Literary Criticism in 1920–1930s.

The article views the main trends of literary criticism formation and development in 1920–1930s. Literary criticism of the time denied universal aesthetic standards of art works assessment, complying with sociological concepts. Thus, class-consciousness became the most substantial criterion of literature assessment.

Key words: party-consciousness, literary criticism, sociology, socialist realism, ideology.

Литература

1. Әдәбият белеме: терминнар һәм төшенчәләр сүзлеге. – Казан: Мәгариф, 2007. – 231 б.
2. *Гилазов Т.Ш.* Основные тенденции развития татарской литературной критики в 20–30-е годы (Проблема метода и героя): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1992. – 26 с.
3. *Ибраһимов Г.* Әсәрләр: 8 т. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1978. – Т. 5. – 615 б.
4. *Галиуллин Т.* Дыхание времени (Вопросы становления и развития социалистического реализма в татарской советской поэзии до 1941 года). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. – 304 с.
5. *Халит Г.* Әдәби тәнкыйтебезнең онытылмас сәхифәләре // Совет әдәбияты. – 1959. – № 4. – Б. 100–103.
6. *Рәхим Г.* Нәләтләр шагыйре // Безнең юл. – 1923. – № 10–11. – Б. 65–82.
7. *Жәлил М.* Ике шагыйрь турында // Ударниклар. – 1931. – № 5–6. – Б. 9–10.
8. *Жәлил М.* Сайланма әсәрләр: 3 т. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1956. – Т. 3. – 443 б.
9. *Гали Г.* Сайланма әсәрләр. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1958. – 379 б.
10. *Сәгъди Г.* Пролетариат диктатурасы дәверендә татар әдәбияты. – Казан: Яналиф, 1930. – 78 б.

Поступила в редакцию
19.05.08

Сабиров Радик Рашидович – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры методики преподавания и современной татарской литературы Казанского государственного университета.